

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)6 + 82

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. М. А. Дударева

г. Москва, Россия

ФОЛЬКЛОРНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100»

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о фольклоризме прозы И. А. Бунина. Объектом исследования является роман «Жизнь Арсеньева», первая книга. Ученые уже обращались к функционированию фольклорной традиции в поэтике писателя, но большое внимание уделяли внешним формам фольклоризма. Однако назрела потребность в рассмотрении внутренних проявлений фольклорной традиции, которая выражается на уровне взаимодействия разных моделей пространств — бытового и идеального. Последнее Арсеньев видит через разные элементы окружающей среды и книги. Показательны параллели с творчеством А. С. Пушкина, с поэмой-сказкой «Руслан и Людмила», которая и упоминается в романе, и М. Ю. Лермонтова. Большое внимание уделяется высокой семиотичности символа луны и звездного неба. Фольклористический комментарий к тексту позволяет выявить особенности национальной аксиологии в романе, дать проникнуть в загадку «русской души» Арсеньева. Методология настоящей работы сводится к целостному анализу художественного текста с применением структурно-типологического и сравнительно-сопоставительного методов исследования. Эти методы позволяют перейти к описанию глубинных пластов литературы, проникновения фольклорной традиции в художественное творчество и вместе с ней танатологического комплекса. Понятие «фольклор» понимаем не узко, не ограничиваемся только словесными формами творчества, а учитываем миф, обряд, ритуал.

Ключевые слова: Бунин, поэтика, фольклор, миф, сказка, символ, идеальный топос, «иное царство».

Информация об авторе: Марианна Андреевна Дударева — кандидат филологических наук, старший преподаватель, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, 117198 г. Москва, Россия. E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Дата поступления статьи: 16.11.2018

Дата публикации: 28.12.2019

Для цитирования: Дударева М. А. Фольклорная действительность в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 173–183.

Современные исследователи размышляют о латентном характере бунинского фольклоризма, обращаясь к вкраплению пословиц, поговорок, песенных формул

в текст, к этноконстантам в поэтике [6]. Однако проблематично, на наш взгляд, отношение к раннему творчеству писателя и формам фольклоризма в нем и, главное, однобоко аксиологическое восприятие фольклора в поэтике. Так, В. В. Люкевич в ряде своих статей, критикуя положение М. К. Азадовского о темном фольклорном начале прозы Бунина, сам видит исключительно трагическое и мрачное в восприятии поэтом народного начала [12]. Однако что подразумевать под темным, иррациональным подсознательным началом? При взгляде на само существо фольклора с нематериалистических позиций, а с позиций архаических представлений (о жизни и смерти, о загробном мире, инициатическом пути), пронизывающих и сказку, и заговоры, и былички, иррациональное и темное выходит с *обратным коррелятивом*.

Именно в фольклорной стихии открывается возможность для художника слова выйти за границы обыденного, мещанского понимания жизни — это обращение к фольклору и мифу станет особенно актуальным для эстетики и поэтики модернизма, к которой Бунин причастен. Он, как и Л. Н. Толстой, осторожно и даже критично относился к нарождающимся модернистским течениям, но сам был близок мировоззренчески к новой литературе. По справедливому замечанию И. Б. Ничипорова, именно ощущение кризиса рационализма в познании мира, истории и человеческой души; складывание новых представлений об искусстве сближало Бунина с модернизмом [15]. Итак, кризис рационализма подтолкнул художников слова вновь вернуться к архаическому, мифологическому, фольклорному кодам. Такое обращение требует от писателя некоего перевоплощения, вживания в то, что он описывает. Об этом творческом акте сам Бунин размышлял в «Освобождении Толстого»: «Некоторый род людей обладает способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и ближнего своего, то есть, как принято говорить, “способностью перевоплощаться”, и особенно живой и особенно образной памятью. Для того же, чтобы быть в числе таких людей, надо быть особью, прошедшей в цепи своих предков долгий путь многих, многих существований* и вдруг явившей в себе особенно полный образ своего дикого пращура со всей свежестью его ощущений, со всей образностью его <...>» [4, т. 8, с. 50].

Поэт-символист А. Белый это называл приобщенностью человека к другим культурам. Так, в статье «Эмблематика смысла» (1909) находим: «То действительно новое, что пленяет нас в символизме, есть попытка осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур; мы ныне как бы переживаем все прошлое: Индия, Персия, Египет, как и Греция, как и Средневековье, — оживают, проносятся мимо нас, как проносятся мимо нас эпохи, нам более близкие» [2, с. 57–58]. Если мысль Белого перевести в научное пространство, то здесь мы увидим, что гуманитарная наука также пытается решать проблему интерпретации произведения искусства, особенно художественного текста с разных позиций. *Концепцию интеллигии культуры* выдвинул Г. С. Кнабе, определив это явление, как «поглощение определенным временем содержания, характера, духа и стиля минувшей культурной эпохи на том основании, что они оказались созвучными другой позднейшей эпохе и способными удовлетворить ее внутренние потребности и запросы» [7, с. 19]. Не так ли мыслит искусство символизма и *искусство будущего* Андрей Белый? Насколько сложны и нередко изменчивы взгляды поэта на символ, его особенности, насколько диалектичны его выводы о романтизме и реализме, но всегда остается неизменным размышление о *необходимости припоминания* художником слова *других эпох*, причем эта

проблема соприкасается тесно с другой — проблемой «космического», не мещанского, не позитивистского взгляда на искусство. И так, сама надвигающаяся эпоха была *интеллектуальной* по своему характеру, и это выразилось в обращении к архаическим элементам и даже потребности художников слова в фольклоре и мифе. Бунин-реалист созвучен этой эпохе и в аспекте нашей темы.

Русская литература начала XX в. впитала в себя знания фольклора, архаические представления о Космосе и дала представления о человеке, приобщенном к надмирному, метафизическому. Конечно, вместе с этим в художественный мир русских писателей органично вошли темы *Эроса* и *Танатоса*, столь актуальные для национальной аксиологии. Не обошел стороной эти темы и Бунин. В литературоведении достаточно много работ, посвященных концептам «любви» и «смерти» в поэтике писателя, в частности подробно анализируются танатологические мотивы «Темных аллей» [3; 9; 11]. Цель данной статьи заключается в рассмотрении генезиса мортальных пограничных образов в поэтике Бунина, в первой книге известного романа «Жизнь Арсеньева». Методология нашего исследования предполагает использование историко-функционального, историко-генетического, системно-типологического методов анализа и применения опыта фольклористического комментирования текста.

Откуда черпал это трагическое, нередко темное стихийное начало писатель? Азадовский, изучавший фольклоризм Бунина, указывал на то, что в фольклоре, в народной стихии Бунин видел трагическое, вся скорбь народа перешла из устно-поэтического в художественное: «<...> в самой фольклорной традиции, в ее обрядах и бытовых проявлениях писатель находил дикие, мрачные образы» [1, с. 131]. Это заставляет задуматься над генезисом *мортальных образов* и природой танатологических мотивов в поэтике классика. Здесь стоит сказать об особом типе фольклоризма его произведений. С одной стороны, исследователи, первыми разрабатывавшие эту проблему, указывали на книжный характер фольклоризма Бунина и, главным образом, стремились отыскать всевозможные источники, на которые мог опираться автор при создании того или иного образа [18]. С другой стороны, появился ряд новых работ, утверждающих синкретический латентный характер фольклоризма. Особо выделяются статьи В. А. Смирнова, который обратил внимание на оппозицию «Эрос — Танатос», идущую от архаических фольклорных основ [22]. К тому же и в теории литературы давно выделены разные типы фольклоризма: регистрирующий, стилизации и заимствования, внутренний, латентный, органический [8; 14]. С этих позиций представляется особенно интересным творчество Бунина, во-первых, хорошо знавшего фольклор в разных его жанрах, изучавшего и даже собиравшего, во-вторых, творчески его перерабатывавшего. Сам писатель стремился именно к художественному осмыслению фольклора, отвергая, например, ремизовские стилизации и переделки [13, с. 146]. В контексте такого теоретического и бунинского посылов обратимся к роману эмигрантского периода «Жизнь Арсеньева».

Попытки рассмотрения романа «Жизнь Арсеньева» в свете фольклорной традиции уже предпринимались, и, стоит отметить, весьма успешно это сделано фольклористом В. А. Смирновым. Ученый большое внимание уделяет пейзажным зарисовкам, сопряженным, по его мнению, с «лунарным мифом». В поворотный для жизни героя момент появляется Луна, что указывает на космогонический характер ситуации: Звездная модель мира, мотив Луны «в романе являются своеобразными контрапунктами, определяющими всю его тональность» [23, с. 135]. Эти замечания точны и справедливы, они также отсылают нас к формуле *небесного ограждения*, к заговорной поэтике.

Однако, как нам кажется, с точки зрения функционирования фольклорной традиции особого внимания заслуживают и типы пространственных моделей в романе, связанные с полем, равниной, неведомой *незримой землей*. Исследователями уже давно введено в оборот понятие пространства жизни географического и метафизического относительно художественного мира Бунина [19; 20]. Были выявлены «точки выхода» в это метафизическое и символическое пространство романа, например, с точки зрения особой лексической органики (анализировались концепты «душа», «окружающий мир» и др. [24]). Метафизическое, переходное пространство (между «тем» и «этим» светом) выражено и на уровне топики, которая задается самой моделью поля, равнины.

К концепту «поле», достаточно частотному и с позиций языка произведения, в «Жизни Арсеньева» уже обращались. Ученые указывают на то, что именно в *поле* Арсеньев сближается с Космосом, осуществляется некая таинственная «власть пространства» над душой [5, с. 124], что заставляет героя тосковать, чувствовать себя одиноким. Но только ли мотив одиночества и тоски выразился в таком типе пространства? Стоит обратить внимание на влечение Арсеньева ко всему *чудесному и необъяснимому*, начиная, как это ни парадоксально, со смерти: «Не рождаемся ли мы с чувством смерти? А если нет, если бы не подозревал, любил ли бы я жизнь так, как люблю и любил?» [4, т. 5, с. 7]. Эти танатологические размышления, открывающие роман, настраивают не столько на мрачный разговор о смерти, сколько на разговор о *неясном, незримом, чудесном* в жизни, которое герой пытается уловить с малых лет. Нередко в размышлениях Арсеньева встречаются лексемы «непонятно», «неизвестно»: «Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, трогали *непонятной любовью* и нежностью неизвестно к кому и чему...» [4, т. 5, с. 9]. Эти концепты невидимого наводят на мысль об *эйдологии* идеального и иномирного, которую Бунин вполне мог позаимствовать из русской сказки. Подтверждением этому является и прямое упоминание самим героем сказок, слышанных в детстве: «Вспоминая сказки, читанные и слышанные в детстве, до сих пор чувствую, что самыми пленительными были в них слова о *неизвестном и необычном*» [4, т. 5, с. 19]. Пожалуй, в этом «детском» открытии героя выражена основа и к пониманию бунинского фольклоризма, существо которого сводится к архаическим представлениям человека о космосе, о невидимой неведомой жизни и желании ее познать. В этом открывается и особый тип бунинского героя — *человека порога*. Случайно ли то, что через сознание маленького мальчика читателю напоминаются устойчивые сказочные формулы, зачины: «В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять земель <...> За горами, за долами, за синими морями <...> Царь-Девица, Василиса Премудрая...» [4, т. 5, с. 19]. Здесь перечислены возможные модели *края света*, запредельного предела, который не постижим бытовым путем. Такие места собственно и отыскивает в повседневной отроческой жизни Арсеньев со своим странным учителем. Чердак, который часто исследуют герои, воплощает тоже в ритуальном смысле *другой мир*: «А сколько раз лазил я с Баскаковым на чердак, где, по преданиям, будто бы валялась какая-то дедовская или прадедовская сабля? Карабкались мы туда по очень крутой лестнице, в полутьме, согнувшись. <...> В мире было небо, солнце, простор, а тут — сумрак и что-то *задавленное, дремотное*» [4, т. 5, с. 30]. Но ужас и затхлость чердака привлекали ребенка, а не отталкивали, поиск сказочной сабли наполнял тогда скудную, по его мнению, жизнь сверхсмыслом.

Тяга к *идеальному* сказывается не только опосредованно, в странных поисках и увлечениях Арсеньева, которые он делил с Баскаковым, но и в его читательских пред-

почтениях. Во-первых, чрезвычайно знаковым является отсылка к пушкинскому «Руслану и Людмиле», где идея предела, эстетика иномирной действительности ярко представлены уже с первых строк, к которым и обращается бунинский герой: «Казалось бы, какой вздор — какое-то никогда и нигде не существовавшее лукоморье, какой-то “ученый” кот, ни с того ни с сего очутившийся на нем и зачем-то прикованный к дубу, какой-то леший, русалки и “на неведомых дорожках следы невиданных зверей”» [4, т. 5, с. 33].

И поэтическое прозрение не подводит и здесь умнеющего отрока. Его прельщает именно необъяснимость с точки зрения бытовой реальности: «Но очевидно, в том-то и дело, что вздор, нечто нелепое, небывалое, а не что-нибудь разумное, подлинное» [4, т. 5, с. 33]. Очевидно, то, что ученый ищет и открывает в поэтике произведения путем тщательного анализа, поэтом воспринимается на другом, глубинном бессознательном уровне. И в этом проявляется *энтелехия* культуры и мышления. В одном случае исследователю необходимо проведение типологий, выявление этнопоэтических констант; в другом случае художнику слова необходимо вжиться в другую среду, эпоху — об этом и писал Бунин в «Освобождении Толстого». Кроме того, космические принципы творчества писателя уже рассматривались в исследовательских работах [21]. Однако Арсеньев обращается не только к Пушкину, но и к мировой литературе, рыцарскому роману, ощущая себя участником далекого прошлого. В этой *травестии* выражено сакральное припоминание, *миметическое действие*. Это позволяет герою воспринимать и окружающую его действительность имагинативно, для него обыденное приобретает статус Абсолюта.

Ощущение потустороннего, небытового течения жизни Арсеньев видит и в своей болезни, которая представляется для него переходом в «иной мир»: «В последний год нашей жизни в Каменке я перенес первую тяжелую болезнь, — впервые узнал то удивительное, что привыкли называть просто тяжелой болезнью и что есть на самом деле как бы *странствие в некие потусторонние пределы*» [4, т. 5, с. 37]. Интересным представляется сама *топика комнаты*, положение героя в пространстве во время болезни: «Ах, как помню я эти минуты, когда я уже стал приходить в себя порой и видел то мать в образе какого-то громадного призрака, то, вместо спальни, темный и мрачный овин, где, от свечи, поставленной на пол за изголовье кровати, неслись и дрожали в огненных волнах тысячи отвратных фигур, лиц, зверей, растений!» [4, т. 5, с. 38]. Устройство *того света* имеет свои законы, и основным признаком служит «перевернутость», безобразность привычных вещей (ср. безобразность сна пушкинской Татьяны). Кроме того, свеча в нашем контексте отсылает к погребальной *смертной свече*, поставленной для души умершего, которая не видит и должна благодаря свету найти дорогу на *том свете* [25, с. 189]. Арсеньев тонко чувствует состояние *порога*. Бунин не случайно дает страшные образы полусна героя и помещает в его изголовье свечу.

Ощущение смерти преследует мальчика особенно после смерти Нади, представляющейся то на рядной куклой, то кем-то с черными страшными губами: «Я вдруг понял, что и я смертен, что и со мной каждую минуту может случиться то дикое, ужасное, что случилось с Надей, и что вообще все земное, все живое, вещественное, телесное, непременно подлежит гибели, тленью, той лиловой черноте, которой покрылись губки Нади к выносу ее из дома» [4, т. 5, с. 39]. В сознании и душе героя смерть диалектична, он то боится ее, то словно бы желает, пребывая в *состояниях порога*: «<...> мои полубезумные, восторженно-горькие мечты о мучениях первых христиан, об отроковицах, растерзанных дикими зверями на каких-то ристалищах, о царских дочерях, чистых

и прекрасных, как божьи лилии, обезглавленных от руки собственных лютых родителей, о горючей пустыне Иорданской, где, прикрывая свою наготу лишь собственными власами, отросшими до земли, обитала, замаливала свой блуд в миру, Мария Египетская...» [4, т. 5, с. 40]; «я жил только внутренним созерцаньем этих картин и образов» [4, т. 5, с. 40]. И снова в переломный момент жизни для Арсеньева у него возникает не бытовой взгляд на вещи, а имагинативный — через внутренний образ подсвечивается вся окружающая действительность. Снова возникает ощущение сказочности, потусторонности жизни, к которой сознательно стремится герой: «<...> замкнулся в своем сказочно-святом мире, упиваясь своими скорбными радостями, жаждой страданий, самоизнурения, самоистязания» [4, т. 5, с. 40].

Первая книга романа открывает нам потаенную жизнь Арсеньева-ребенка и отрока. Герой чувствует себя на грани реального и ирреального, на что указывают символы поля, чердака, книги со сказками, его видения. В самом обычном (для взрослого) Арсеньев провидит необъяснимое, загадочное и стремится к этому всей душой. Выявление в тексте архетипических построений, фольклористический комментарий, который связан в этой части больше с моделями пространств, выводит читателя на *онтологический* план повествования. Кроме того, в первой главе дается автором образ петуха на кресте, который служит неким ритуальным маркером в жизни героя: «В стране, заменившей мне родину, много есть городов, подобных тому, что дал мне приют, некогда славных, а теперь заглохших, бедных, в повседневности живущих мелкой жизнью. Все же над этой жизнью всегда — и не даром — царит какая-нибудь серая башня времен крестоносцев, громада собора с бесценным порталом, века охраняемым стражей святых изваяний, *и петух на кресте, в небесах, высокий Господний глашатай, зовущий к небесному Граду*» [4, т. 5, с. 8]. Арсеньев, будучи мал, точно угадал один из главных символов жизни русского человека — петух на кресте, который воплощает собой Ось Мира, соединяет бытовой и горний мир¹. С одной стороны, петух на кресте — распространенный символ христианской культуры, его можно встретить на шпилях большинства европейских соборов. С другой стороны, этот символ в средние века был сопряжен с семантикой луны/месяца, идущих от египетской соляной культуры, культа Озириса [16]. Бунин был одним из первых, кто сформировал египетский топос в русской поэзии и «ввел моду» на путешествия в экзотические для России начала XX в. страны [17]. Кроме того, писатель хорошо знал египетскую мифологию. Однако ближний текст культуры, русский фольклор, и, вероятно, хорошо известная И. А. Бунину работа С. А. Есенина «Ключи Марии» (1918) также дают нам полное представление о высокой семиотичности, значимости символа петуха для русского мужика, который украсил таким *соляным орнаментом* избу. Здесь, конечно, не идет речь о личных сложных отношениях двух классиков русской литературы и заимствованиях, а больше о поэтике притяжения и отталкивания. По справедливому замечанию специалистов, И. А. Бунин все-таки хорошо знал есенинское творчество и следил за фигурой поэта до конца его дней [10]. Так, эту Ось Мира и должен был Арсеньев воспитать и сохранить в себе — он как бы с раннего детства, отрочества обозначил для себя важные ориентиры. Но следовать этому инициатическому пути ему всегда приходилось через страдания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Азадовский М. К. Фольклоризм И. А. Бунина // Русская литература. 2010. № 4. С. 126–148.

¹ См. также известное стихотворение поэта 1922 г. «Петух на церковном кресте», где возникает образ ладьи в небе.

- 2 *Белый А.* Эмблематика смысла // Собр. соч. Символизм. Книга статей. М.: Культурная революция; Республика, 2010. С. 57–58.
- 3 *Богданова И. Г.* Художественное «вочеловечивание» у Бунина темы любви и смерти // Писатель, творчество: современное восприятие: сб. аспирант. науч. ст. Курск: Изд-во КГУ, 1999. С. 60–79.
- 4 *Бунин И. А.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 5. 480 с. Т. 8. 544 с.
- 5 *Галлямова Т. А., Эртнер Е. Н.* Образ русского поля в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник ТюмГУ. 2012. № 1. С. 120–125.
- 6 *Далгат У. Б.* Этнопоэтика в русской прозе 20–90-х гг. XX века (Экскурсы). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 212 с.
- 7 *Кнабе Г. С.* Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: Изд-во РГГУ, 2000. 238 с.
- 8 *Ковалева Р. М.* Восточнославянский фольклор и литература: типология фольклоризма // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай. Мат. X міжнар. навук. канф. Минск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2011. С. 161–168.
- 9 *Коновалов А. А.* К вопросу о мотиве смерти в книге И. А. Бунина «Темные аллеи» // Проблемы эволюции русской литературы XX века: Материалы межвуз. науч. конф. М.: Изд-во МПГУ, 1995. Вып. 2. С. 107–109.
- 10 *Крицына Е. Ю.* Иван Бунин о Сергее Есенине: взгляд «лицом к лицу» и на расстоянии // Вестник БГУ. 2009. № 10. С. 197–199.
- 11 *Ли Сан Чул* Тема любви и смерти в «Темных аллеях» И. А. Бунина: философско-эстетический контекст: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 17 с.
- 12 *Люкевич В. В.* Фольклорная составляющая художественной модели национального мира в версии сказки о Емеле и «Косцах» Бунина // Филологическая наука и школа: диалог и сотрудничество: Сб. тр. по мат. VII Всерос. науч.-практич. конф. В 2 ч. М.: Изд-во МИОО, 2014. Ч. 1: Теория и практика анализа художественного текста. Чтение и актуальные проблемы литературного образования в школе и вузе. Роль и место работы со словарями в повышении качества современного образования. С. 50–61.
- 13 *Мальцев Ю. В.* Иван Бунин. 1870–1953. М.; Франкфурт: Посев, 1994. 432 с.
- 14 *Налетин А. Л.* Фольклоризм как форма и содержание в поэзии Н. А. Клюева и С. А. Есенина (опыт сравнительного анализа) // Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 279–301.
- 15 *Ничипоров И. Б.* Поэзия темна, в словах не вырази́ма... Творчество И. А. Бунина и модернизм. М.: Метафора, 2003. 256 с.
- 16 *Носовский Г. В., Фоменко А. Т.* Жанна д'Арк, Самсон и русская история. М.: Деловой эксперсс, 2002. 870 с.
- 17 *Панова Л. Г.* Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузьмина. М.: Водолей; Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. 680 с.
- 18 *Померанцева Э. В.* Фольклор в прозе Бунина // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 139–152.
- 19 *Пращерук Н. В.* Художественный мир прозы Бунина: язык пространства. Екатеринбург: МУМЦ «РО», 1999. 254 с.
- 20 *Пращерук Н. В.* Метафизическое сознание И. А. Бунина в романе «Жизнь Арсеньева» // Метафизика И. А. Бунина: сб. науч. тр., посвящ. творчеству И. А. Бунина. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. Вып. 2. С. 7–15.

- 21 Сливацкая О. В. Космическое мироощущение И. А. Бунина // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления. 2009. Т. 2. С. 213–239.
- 22 Смирнов В. А. Бунин // Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе 19 — начала 20 века). Иваново: Юнона, 2001. С. 162–200.
- 23 Смирнов В. А. Проблема космизации личности в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 2. С. 134–139.
- 24 Смоленцов А. И. Роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: «контексты понимания» и символика образов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 23 с.
- 25 Толстой Н. И. Глаза и зрение покойников // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 185–205.

© 2019. Marianna A. Dudareva
Moscow, Russia

FOLK REALITY IN THE NOVEL OF I. A. BUNIN “LIFE OF ARSENYEV”

Acknowledgements: The publication has been prepared with support of the “RUDN University Program 5-100”.

Abstract: The article deals with folklorism in the prose by I. A. Bunin. The object of study is the novel “Life of Arseniev”, Book One. Scholars have already addressed the functioning of the folklore traditions in the writer’s poetry, but they paid more attention to the external forms of folklorism. However, it has seemingly become imminent to consider the internal manifestations of the folklore traditions, which are expressed at the level of interaction of various space models, including mundane and ideal. The latter is seen by Arseniev through various elements of the environment and books, Russian fairy tales, and world literature. Parallels with Pushkin's works are indicative, including Ruslan and Ludmila, a fairy-tale poem that is also mentioned in the novel, and M. Lermontov. Much attention is paid to the highly intense semiotics of the moon and stary sky symbols. The folkloric comments to the text allow identifying the peculiar features of the national axiology in the novel and gaining insights into the mystery of Arseniev’s “Russian soul.” The methodology of this study is connected with a holistic analysis of a literary text using structural, typological and comparative methods of research. These methods enable us to move to describe deeper layers of literature, the intertwinement of the folklore tradition and art, and with it the insertion of thanatological complex. Instead of narrower consideration of the concept of “folklore” the author goes beyond verbal forms of creativity, taking into account myth, ritual, and ritual.

Keywords: Bunin, poetics, folklore, myth, fairy tale, ideal topos, “the other kingdom”. Information about the author: Marianna A. Dudareva — PhD in Philology, Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklay St., 6, 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Received: January 15, 2018

Date of publication: December 28, 2019

For citation: Dudareva M. A. Folk reality in the novel of Bunin “Life of Arsenyev”. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 54, pp. 173–183. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Azadovskii M. K. Fol'klorizm I. A. Bunina [Folklorism of I. A. Bunin]. *Russkaia literature*, 2010, no 4, pp. 126–148. (In Russian)
- 2 Bely A. Emblematika smysla [Emblematics of meaning]. Bely A. *Sobranie sochinenii. Simvolizm. Kniga statei* [Collected works. Symbolism. Book articles]. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia; Respublika Publ., 2010, pp. 57–58. (In Russian)
- 3 Bogdanova I. G. Khudozhestvennoe “vochelovechivanie” u Bunina temy ljubvi i smerti [Artistic “humanization” of Bunin's themes of love and death]. *Pisatel', tvorchestvo: sovremennoe vospriiatie: Sb. aspirant. nauch. st.* [Writer, creativity: modern perception: a Collection of postgraduate scientific articles]. Kursk, Izdatel'stvo KGU Publ., 1999, pp. 60–79. (In Russian)
- 4 Bunin I. A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2006. Vol. 5. 480 p. Vol. 8. 544 p. (In Russian)
- 5 Galliamova T. A., Ertner E. N. Obraz russkogo polia v romane I. A. Bunina “Zhizn' Arsen'eva” [The image of the Russian field in the novel by I. A. Bunin “Life of Arsenyev”]. *Vestnik TiumGU*, 2012, no 1, pp. 120–125. (In Russian)
- 6 Dalgat U. B. *Etnopoetika v russkoi proze 20–90-kh gg. XX veka (Ekskursy)* [Ethnopoetics in Russian prose 20-90-ies of 20th century (Excursions)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 212 p. (In Russian)
- 7 Knabe G. S. *Russkaia antichnost': Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo nasledia v kul'ture Rossii* [Russian antiquity: Content, role and fate of the ancient heritage in the culture of Russia]. Moscow, Izdatel'stvo RGGU Publ., 2000. 238 p. (In Russian)
- 8 Kovaleva R. M. Vostochnoslavianskii fol'klor i literatura: tipologiya fol'klorizma [East Slavic folklore and literature: typology of folklorism]. *Slavianskii litaratury ŷ kontekstse susvetnai. Materyialy Kh mizhnarodnai navukovai kanferentsyi* [Slavic literature in the context of the world. Proceedings of the X International scientific conference]. Minsk, Vydavetski tsentr BDU Publ., 2011, pp. 161–168. (In Russian)
- 9 Konovalov A. A. K voprosu o motive smerti v knige I. A. Bunina “Temnye allei” [On the issue of the motif of death in the book of I. A. Bunin “Dark alleys”]. *Problemy evoliutsii russkoi literatury XX veka: Materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii* [Problems of evolution of Russian literature of the 20th century: Proceedings of the Intercollegiate scientific conference]. Moscow, Izdatel'stvo MPGU Publ., 1995, vol. 2, pp. 107–109. (In Russian)
- 10 Kritsyna E. Iu. Ivan Bunin o Sergee Esenine: vzgliad “litsom k litsu” i na rasstoianii [Ivan Bunin about Sergei Yesenin: a look “face to face” and from a distance]. *Vestnik BGU*, 2009, no 10, pp. 197–199. (In Russian)
- 11 Li San Chul *Tema ljubvi i smerti v “Temnykh alleiakh” I. A. Bunina: filosofsko-esteticheskii kontekst* [The theme of love and death in “Dark alleys” I. A. Bunin: philosophical and aesthetic context: PhD thesis, summary]. Moscow, 2016. 17 p. (In Russian)
- 12 Liukevich V. V. Fol'klornaiasostavliaiushchaiakhudozhestvennoi modelinatsional'nogo mira v versii skazki o Emele i “Kostsakh” Bunina [Folklore component of the artistic model of the national world in the version of the fairy tale about Yemelyan and the

- “Shearers” by Bunin]. *Filologicheskaja nauka i shkola: dialog i sotrudnichestvo: Sbornik trudov po materialam VII Vserossiiskoi naucho-prakticheskoi konferentsii. V 2 ch.* [Philological science and school: dialogue and cooperation: Proceedings of the VII all-Russian scientific and practical conference. In 2 parts]. Moscow, Izdatel'stvo MIOO Publ., 2014. Part 1: Teorii i praktika analiza khudozhestvennogo teksta. Chtenie i aktual'nye problemy literaturnogo obrazovaniia v shkole i vuze. Rol' i mesto raboty so slovariami v povyshenii kachestva sovremennogo obrazovaniia [Theory and practice of literary text analysis. Reading and actual problems of literary education in school and University. The role and place of working with dictionaries in improving the quality of modern education], pp. 50–61. (In Russian)
- 13 Mal'tsev Iu. V. *Ivan Bunin. 1870–1953* [Ivan Bunin. 1870–1953]. Moscow, Frankfurt, Posev Publ., 1994. 432 p. (In Russian)
- 14 Nalepin A. L. Fol'klorizm kak forma i sodержanie v poezii N. A. Kliueva i S. A. Esenina (opyt sravnitel'nogo analiza) [Folklorism as a form and content in the poetry of N. A. Klyuev and S. A. Esenin (experience of comparative analysis)]. *Dva veka russkogo fol'klora: Opyt i sravnitel'noe osveshchenie podkhodov v fol'kloristike Rossii, Velikobritanii i SShA v XIX–XX stoletiiakh* [Two centuries of Russian folklore: Experience and comparative coverage of approaches in the folklore of Russia, Great Britain and the United States in the 19th–20th centuries]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 279–301. (In Russian)
- 15 Nichiporov I. B. *Poeziia temna, v slovakh ne vyrazima... Tvorchestvo I. A. Bunina i modernism* [Dark is the poetry, beyond words its expression ... I. A. Bunin's Creativity and modernism]. Moscow, Metafora Publ., 2003. 256 p. (In Russian)
- 16 Nosovskii G. V., Fomenko A. T. *Zhanna d'Ark, Samson i russkaia istoriia* [Joan of Arc, Samson and Russian history]. Moscow, Delovoi eksperss Publ., 2002. 870 p. (In Russian)
- 17 Panova L. G. *Russkii Egipet. Aleksandriiskaia poetika Mikhaila Kuz'mina* [Russian Egypt. Alexandrian poetics of Mikhail Kuzmin]. Moscow, Vodolei; Publishers; Progress-Pleiada Publ., 2006. 680 p. (In Russian)
- 18 Pomerantseva E. V. Fol'klor v proze Bunina [Folklore in Bunin's prose]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1973, vol. 84, book 2, pp. 139–152. (In Russian)
- 19 Prashcheruk N. V. [The artistic world of Bunin's prose: the language of space]. Ekaterinburg, MUMTs “RO” Publ., 1999. 254 p. (In Russian)
- 20 Prashcheruk N. V. *Metafizicheskoe soznanie I. A. Bunina v romane “Zhizn' Arsen'eva”* [I. A. Bunin's metaphysical consciousness in the novel “Life of Arsenyev”]. *Metafizika I. A. Bunina: sbornik nauchnykh trudov posviashchennyi tvorchestvu I. A. Bunina* [I. A. Bunin's Metaphysics: collection of scientific works devoted to the works of I. A. Bunin]. Voronezh, NAUKA-IuNIPRESS Publ., 2011, vol. 2, pp. 7–15. (In Russian)
- 21 Slivitskaia O. V. *Kosmicheskoe mirooshchushchenie I. A. Bunina* [Cosmic worldview of I. A. Bunin]. *Trudy Ob"edinennogo nauchnogo tsentra problem kosmicheskogo myshleniia*, 2009, vol. 2, pp. 213–239. (In Russian)
- 22 Smirnov V. A. Bunin [Bunin]. *Literatura i fol'klornaia traditsiia: voprosy poetiki (arkhetipy “zhenskogo nachala” v russkoi literature 19 – nachala 20 veka)* [Literature and folklore tradition: questions of poetics (archetypes of “feminine” in Russian literature of the 19th — early 20th century)]. Ivanovo, Iunona Publ., 2001, pp. 162–200. (In Russian)

- 23 Smirnov V. A. Problema kosmizatsii lichnosti v romane I. A. Bunina "Zhizn' Arsen'eva" [The issue of cosmization of personality in I. A. Bunin's novel "Life of Arsenyev"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 2016, no 2, pp. 134–139. (In Russian)
- 24 Smolentsov A. I. *Roman I. A. Bunina "Zhizn' Arsen'eva": "konteksty ponimaniia" i simbolika obrazov* [I. A. Bunin's novel "Life of Arsenyev": "contexts of understanding" and symbolism of images: PhD thesis, summary]. Voronezh, 2012. 23 p. (In Russian)
- 25 Tolstoi N. I. Glaza i zrenie pokoinikov [Eyes and vision of the dead]. *Iazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 1995, pp. 185–205. (In Russian)